Язык и текст
2026. *13*(3), 68–76.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130306
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 68–76.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130306
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина

С.М. Капилупи✉
Университет Саленто, Лечче, Италия
✉ stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Резюме

Контекст и актуальность. В статье рассматривается проблема возможной связи рукописной тетради 1813 г. из собрания Андрея Барановского с ранним школьно-лицейским слоем пушкинской традиции о розе, известным по свидетельству Ивана Пущина об утраченном стихотворном упражнении на уроке Николая Кошанского. **Цель**. Определить научный статус найденного текста, подписанного фамилией «Пушкин», не смешивая вопрос об авторстве с вопросом о рукописном свидетельстве. **Методы и материалы**. Применяются историко-литературный, текстологический и источниковедческий методы: сопоставляются известные редакции «Розы» 1815 и 1817–1819 гг., академический комментарий, свидетельство Пущина, состав тетради и устная история ее передачи от Юрия Мейера к Барановскому. **Результаты.** Показано, что текст из собрания Барановского не совпадает с канонической «Розой» и не может быть автоматически включен в корпус Пушкина, однако его форма, тема, дата и подпись образуют значимый комплекс признаков. **Выводы**. Делается вывод о необходимости публикации материала по правилам археографии и дальнейшей палеографической и кодикологической экспертизы; до этого текст следует рассматривать как возможный школьный, копийный или мемориальный след утраченного лицейского стихотворения.

Ключевые слова: Пушкин, «Роза», Царскосельский лицей, Кошанский, Пущин, Дельвиг, рукописная традиция, архив русского зарубежья, Андрей Барановский

Для цитирования: Капилупи, С.М. (2026). От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина. *Язык и текст, 13*(3), 68—76. https://doi.org/10.17759/langt.2026130306

© Капилупи С.М., 2026

CC-BY-NC

Капилупи С.М. (2026)
От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина
Язык и текст, *13*(3), 68—76.

Capilupi S.M. (2026)
From the name to the “Rose”: the 1813 notebook from A. Baranovsky’s collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin
Language and Text, *13*(3), 68—76.

From the name to the “Rose”: the 1813 notebook from A. Baranovsky’s collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin

S.M. Capilupi✉
University of Salento, Lecce, Italy
✉ stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Abstract

Context and relevance. The article examines the possible connection between a manuscript notebook dated 1813 from Andrey Baranovsky’s collection and the early school-Lyceum layer of the Pushkinian tradition of the rose, known from Ivan Pushchin’s testimony about a lost verse exercise written during Nikolai Koshansky’s lesson. **Objective.** To define the scholarly status of the text signed with the surname “Pushkin” without conflating the problem of authorship with that of manuscript evidence. **Methods and materials.** The study uses historical-literary, textual and source-critical methods: it compares the known versions of “The Rose” from 1815 and 1817–1819, the academic commentary, Pushchin’s testimony, the composition of the notebook and the oral history of its transmission from Yuri Meyer to Baranovsky. **Results.** The analysis shows that the Baranovsky text cannot be identified with the canonical “Rose” or automatically included in Pushkin’s corpus. Its form, theme, date and signature nevertheless constitute a significant set of features. **Conclusions.** The article concludes that the material should be published according to archaeographic standards and subjected to further paleographic and codicological examination.

Keywords: Pushkin, “Rose”, Tsarskoye Selo Lyceum, Koshansky, Pushchin, Delvig, manuscript tradition, Russian emigration archive, Andrey Baranovsky

For citation: Capilupi, S.M. (2026). From the name to the “Rose”: the 1813 notebook from A. Baranovsky’s collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin. *Language and Text*, *13*(3), 68—76. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130306

Постановка вопроса

История ранней пушкинской «Розы» принадлежит к числу тех малых филологических сюжетов, где краткость текста не уменьшает сложности проблемы. В академической традиции давно различаются по крайней мере два уровня: сохранившееся стихотворение «Роза», известное в ранней редакции 1815 г. и в позднейшей редакции 1817–1819 гг., и более ранний школьный эпизод, рассказанный И. И. Пущиным и связанный с уроком русской словесности у Н. Ф. Кошанского. Этот эпизод особенно важен потому, что речь идет не о позднейшей литературной легенде, а о воспоминании ближайшего лицейского товарища Пушкина.

Новый материал, находящийся в собрании А. Барановского, делает этот вопрос вновь актуальным. По свидетельству Барановского, небольшая тетрадь 1813 г. была передана ему в начале 1990-х гг. Ю. К. Мейером, одним из последних хранителей лицейской памяти в русской

эмиграции. В тетради, наряду с копиями стихотворений Карамзина, Батюшкова и Жуковского, находится краткое стихотворение о розе, подписанное фамилией «Пушкин». В настоящее время копия этого материала находится в Пушкинском Доме (Институте русской литературы Российской академии наук) и является предметом экспертного рассмотрения. Само по себе это не доказывает авторства А. С. Пушкина, однако совпадение темы, формы двух четверостиший, ранней даты и лицейского контекста слишком существенно, чтобы быть отнесенным к области простой случайности.

Задача настоящей статьи состоит не в том, чтобы объявить текст из собрания Барановского новым автографом Пушкина. Такой вывод был бы преждевременным без полной кодикологической и палеографической экспертизы. Речь идет о другом: о необходимости включить этот текст в научное обсуждение как возможный свидетель утраченного школьно-лицейского слоя, который предшествует известным редакциям «Розы».

Формула, вынесенная в заглавие, — «от имени к “Розе”» — имеет не доказательное, а герменевтическое значение. Речь идет о переходе от имени «Пушкин», оставленного в тетради как краткая подпись и как загадка атрибуции, к розе как культурному символу памяти, утраты и возможного узнавания. В этом смысле сюжет вызывает дальние ассоциации с романом У. Эко *Il nome della rosa*, где имя и след становятся частью интеллектуального расследования (Эко, 1980), с фильмом В. Аллена *The Purple Rose of Cairo*, построенным как история перехода между экраном и жизнью[1], а также с дантовской перспективой книги Л. Гаргиуло *Dalla selva alla rosa*, где путь от «selva» к «rosa» обозначает движение от утраты и странствия к высшей форме смысла (Гаргиуло, 1990). Эти ассоциации не являются аргументами атрибуции; они лишь показывают, почему сама история потерянной и возможной вновь найденной розы оказывается столь семантически насыщенной.

Известная традиция «Розы» и утраченный лицейский текст

Академическое издание фиксирует раннюю редакцию «Розы», датируемую предположительно 1815 г. Она печатается по основному тексту автографа в лицейской тетради Пушкина, до поправок, и сопоставляется с рядом копий: в тетрадях Ф. Ф. Матюшкина, И. В. Помяловского, в архиве А. М. Горчакова и в тетради Н. В. Всеволожского (Пушкин, 1999, с. 107). Позднейшая редакция относится к 1817–1819 гг.; именно она была напечатана Пушкиным в «Стихотворениях А. Пушкина» 1826 г. и затем вошла в издание 1829 г. (Пушкин, 1999, с. 287).

Однако комментарий академического тома 1999 г. указывает на обстоятельство, принципиальное для нашего сюжета: «Розе» предшествовало другое стихотворение Пушкина на близкую тему. Оно было связано с уроком Кошанского и, по свидетельству Пущина, состояло из двух четверостиший; Кошанский взял рукопись себе, а сам текст до нас не дошел (Пушкин, 1999, с. 767). Эпизод датируется концом марта — апрелем 1812 г. Там же отмечается, что это стихотворение, возможно, входило в рукописный журнал «Неопытное перо», издававшийся Пушкиным, А. А. Дельвигом и Н. А. Корсаковым (Пушкин, 1999, с. 767).

[1] Аллен, В. (реж.). (1985). Пурпурная роза Каира [Фильм]. США.
Allen, W. (dir.). (1985). The Purple Rose of Cairo [Film]. USA. (In English).

Следовательно, научная традиция сама различает три объекта: школьное стихотворение 1812 г., известное по воспоминанию Пущина; раннюю редакцию «Розы» 1815 г.; переработанную редакцию 1817–1819 гг. Это различение особенно важно: текст Барановского не обязан совпадать с канонической «Розой», чтобы иметь отношение к пушкинской теме розы. Напротив, его значение, если оно подтвердится, может состоять именно в принадлежности к предшествующему, утраченному уровню.

Стиховедческое описание известной «Розы» также показывает, что речь идет о самостоятельной, тщательно организованной миниатюре. Б. В. Томашевский относил ее к строфе из двенадцати коротких стихов со схемой AbAbCbCdEdE (Томашевский, 1958, с. 108). Это не совпадает с текстом Барановского, состоящим из двух четверостиший и заключительной строки. Такое расхождение является доводом против прямого отождествления с редакциями 1815 и 1817–1819 гг., но не против связи с утраченным упражнением, которое Пущин как раз описывал как «два четверостишия».

Текст из собрания А. Барановского

В переданной Барановским записи стихотворение читается следующим образом:

Роза спелая созреет
Побледнеет и умрет
Но листочек отлетевший
Дух приятный издает
Наша молодость минется
С ней почиет красота
Но в замену остается
Дар безценный — доброта!
Там счастье где любовь
Пушкин

Текст по своему характеру заметно отличается от сохранившейся «Розы» Пушкина. В нем нет противопоставления розы и лилеи, нет анафорической конструкции «Не говори», нет той элегической лаконичности, которая определяет известный пушкинский текст. Перед нами скорее нравоучительная миниатюра школьного типа: роза увядает, но сохраняется благоухание; молодость и красота проходят, но остается доброта. Именно эта школьность может быть прочитана двояко. С одной стороны, она мешает прямой атрибуции зрелому авторскому стилю. С другой — она вполне соответствует ситуации учебного задания, выполненного мальчиком-лицеистом.

С этим связана и собственная аргументация Барановского. Он видит в простоте текста не только школьную наивность, но и особую легкость, которая, по его мнению, уже предвосхищает пушкинский гений. Эта легкость объясняется им тем, что поэтическое сознание юного Пушкина с самого начала свободно от тяжелой немецкой инерции и внутренне ориентировано на французскую ясность, естественность и подвижность формы. Возможное возражение состоит в том, что русская поэзия начала XIX в. в целом уже была обращена к французским образцам, в том числе через опыт Жуковского. Однако Барановский проводит здесь различие: у Жуковского, как он полагает, заметен процесс освобождения от

предшествующей немецкой романтической зависимости, тогда как у Пушкина эта свобода присутствует как исходное качество, почти как врожденная поэтическая легкость.

Особое значение имеет строка «Там счастье где любовь». Она близка к финалу басни В. Л. Пушкина «Голубка и Бабочка», опубликованной в «Вестнике Европы» в 1803 г.: «Там счастье, где любовь: оно вас ожидает» (Пушкин В. Л., 1803). Это совпадение нельзя игнорировать. Оно допускает возможность влияния Василия Львовича, семейной литературной памяти или позднейшей контаминации. Но оно не отменяет другого обстоятельства: сама тетрадная атрибуция «Пушкин» в 1813 г. возникает в контексте, когда Александр Сергеевич еще не был публично известным поэтом. Поэтому вопрос должен ставиться не в форме жесткой альтернативы «А. С. Пушкин или В. Л. Пушкин», а шире: какой именно пушкинский материал, авторский, семейный, школьный или копийный, был зафиксирован в этой тетради?

Именно здесь возникает наиболее серьезная альтернативная версия: речь может идти не об Александре Сергеевиче, а о Василии Львовиче Пушкине. Барановский возражает против такого решения тем, что старший Пушкин прежде всего известен как автор басен и стихотворных нравоучительных текстов, тогда как в тетрадной «Розе» он усматривает не басенную тяжеловесность, а легкость и непосредственность юного лирического жеста. Тем не менее сама близость заключительной формулы к басне «Голубка и Бабочка» требует сохранить эту версию в поле обсуждения: она не снимает гипотезу о раннем пушкинском следе, но заставляет рассматривать текст как возможный узел семейной, школьной и литературной памяти.

Поэтому наиболее продуктивной является рабочая гипотеза: текст Барановского представляет собой не третью редакцию известной «Розы», а самостоятельный свидетель традиции о школьной «розе» Пушкина. Он может быть копией, сокращением, пересказом по памяти или нравоучительной переработкой утраченного текста. В любом из этих случаев его научное значение сохраняется, поскольку он оказывается связанным с той самой лакуной, которую академический комментарий обозначает как существовавшее, но не дошедшее до нас стихотворение.

Происхождение тетради: Мейер, Дельвиг и лицейская эмиграция

Устная история тетради имеет самостоятельное значение. По рассказу А. Барановского, тетрадь была подарена ему Ю. К. Мейером, лицеистом ускоренного выпуска 1917 г. Юрий Константинович Мейер (1897–1994) известен как автор воспоминаний «Записки последнего кирасира», опубликованных в «Российском архиве»[2] (Мейер, 1995, с. 547–601). Уже один этот факт помещает фигуру Мейера в документированное пространство русской военной и лицейской эмиграции.

Исторический фон такой передачи подтверждается исследованиями об Обществе бывших воспитанников Императорского Александровского лицея и его архиве в эмиграции. Л. В. Климович показывает, что лицеисты-эмигранты стремились сохранить корпоративную

[2] Мейер, Ю. К. [б. г.]. Мейер Юрий Константинович. Русская армия в Великой войне. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мейер_Юрий_Константинович (дата обращения: 15.06.2026).
Meyer, Yu. K. [n.d.]. Meyer Yurii Konstantinovich. Russkaya armiya v Velikoi voine [The Russian army in the Great War]. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мейер_Юрий_Константинович (viewed: 15.06.2026). (In Russ.).

память, документы, фотографии, переписку и артефакты, связанные с дореволюционным лицеем (Климович, 2018, с. 18–30). Архивная работа в этой среде была не случайной частной страстью, а частью особого культа лицейского братства, в котором память о Пушкине занимала центральное место.

С этим кругом связан и барон Андрей Дмитриевич Дельвиг, представитель младшей линии рода Дельвигов, связанной с семьей лицейского друга Пушкина А. А. Дельвига. Он числится среди воспитанников ускоренного выпуска 1917 г. Александровского лицея и после революции оказался в эмиграции[3]. По сообщению Барановского, Мейер рассказывал ему, что вопрос о тетради и о «Розе» он обсуждал именно с Дельвигом как наследником лицейской фамильной памяти. Этот разговор не привел к окончательному решению: Мейер был весьма расположен к мысли о пушкинской природе текста, но ни он, ни Дельвиг не считали возможным дать полностью однозначное утверждение без дополнительных оснований. В данной статье этот рассказ рассматривается как важное свидетельство истории бытования рукописи и как показатель того, что проблема осознавалась внутри самой поздней лицейской среды.

По словам Барановского, передавая ему тетрадь, Мейер сообщил, что остальную часть находившихся у него лицейских материалов он намерен передать в один из американских научных или архивных центров. Это свидетельство важно не как готовая архивная сигнатура, а как указание на возможное рассеяние поздней лицейской памяти между частными собраниями и институциональными фондами русского зарубежья. Основной архивный комплекс Императорского Александровского лицея в эмиграции в опубликованных источниках связывается прежде всего с Dépôt «Lycée Alexandre» Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе (Климович, 2018; Мамонтова, 2001). Вместе с тем существование лицейской организации в США и наличие материалов Ю. К. Мейера в Bakhmeteff Archive Колумбийского университета (Мейер, б. д.) показывают, что отдельные документы, копии или личные архивные материалы лицеистов могли оказаться и в американских собраниях. Поэтому вопрос о том, какой именно американский центр имел в виду Мейер, остается открытым. Даже если конкретная тетрадь не имеет пока публичной архивной сигнатуры, сам маршрут «последний лицеист — американское научное или архивное собрание — частная коллекция Барановского — Пушкинский Дом» не противоречит известной истории русской диаспоры.

Собрание А. Барановского как контекст находки

Личность владельца тетради в данном случае не является внешней деталью. А. Барановский известен как литератор, историк, художник и собиратель рукописей, старопечатных и редких изданий[4]. Его коллекция включает материалы разных эпох: рукописи, письма, редкие тексты,

[3] Список выпускников Александровского лицея. [б. г.]. Рувики. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список_выпускников_Александровского_лицея (дата обращения: 15.06.2026).
Spisok vypusknikov Aleksandrovskogo litseya [List of graduates of the Alexander Lyceum]. [n.d.]. Ruwiki. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список_выпускников_Александровского_лицея (viewed: 15.06.2026). (In Russ.).

[4] Барановский, А. [б. г.]. О себе самом. URL: https://gub191025.wixsite.com/andreybaranovsky/about (дата обращения: 15.06.2026).
Baranovsky, A. [n.d.]. O sebe samom [About myself]. URL: https://gub191025.wixsite.com/andreybaranovsky/about (viewed: 15.06.2026). (In Russ.).

документы, связанные с русской культурой XVIII–XX вв. Именно такого рода частные собрания нередко сохраняют предметы, которые не попали в государственные фонды или остались на периферии больших архивных передач.

В рассказе Барановского важен не только факт владения, но и характер обнаружения: стихотворение было замечено среди других редкостей, внутри небольшой тетради 1813 г., а не как отдельный предмет, созданный для демонстрации сенсации. Это обстоятельство снижает вероятность намеренно эффектной атрибуции. Тетрадь нуждается не в журналистском объявлении, а в спокойной научной публикации: факсимиле, дипломатическая транскрипция, описание бумаги и чернил, сведения о переплете, составе тетради, почерках и возможных владельческих пометах.

Критерии проверки и границы гипотезы

Осторожная реакция специалистов Пушкинского Дома (Института русской литературы Российской академии наук), где в настоящее время находится копия материала и проводится его экспертное рассмотрение, понятна и методологически оправданна. В пушкинской текстологии нельзя признать новый текст только на основании подписи «Пушкин» и тематического совпадения. Необходимо установить, что страница с данным стихотворением принадлежит той же рукописной и материальной фазе, что и тетрадь 1813 г.; что запись не является позднейшей вставкой; что почерк, орфография и бумага соответствуют предполагаемому времени; что возможные следы происхождения согласуются с лицейской или послелицейской средой.

Однако осторожность не должна сводиться к простому отказу от обсуждения. Даже если почерк не принадлежит известным лицеистам из ближайшего круга Пушкина, это не уничтожает проблему. Пущин прямо говорит о рукописи, взятой Кошанским; следовательно, дальнейшее бытование текста могло происходить вне привычной цепочки пушкинских автографов и лицейских копий. Копия могла быть сделана учеником, преподавателем, владельцем рукописного журнала, позднейшим хранителем школьных материалов или участником лицейской мемориальной культуры.

Нужно также отделить авторство от свидетельства. Даже если окажется, что текст Барановского не является автографом А. С. Пушкина, он может сохранить ценность как документ раннего восприятия или бытования пушкинского имени. Если же подтвердится, что запись действительно относится к 1813 г. и находится в органическом составе тетради, вопрос станет еще острее: почему в тетради этого времени появляется стихотворение о розе, подписанное «Пушкин», и каким образом оно соотносится с рассказом Пущина?

Заключение

Тетрадь 1813 г. из собрания А. Барановского не может быть немедленно включена в корпус произведений А. С. Пушкина. Для этого не хватает необходимых филологических процедур: полного факсимиле, кодикологического описания, экспертизы бумаги и чернил, палеографического заключения и документированной истории владения. Но это не означает, что находка должна быть оставлена за пределами науки.

Напротив, именно потому, что академическая традиция признает существование утраченного стихотворения о розе, предшествовавшего известной «Розе», текст Барановского получает особое значение. Он находится не рядом с канонической редакцией 1815 г., а рядом с той лакуной, которую обозначает воспоминание Пущина. Его форма двух четверостиший, тема розы, ранняя дата тетради и подпись «Пушкин» образуют совокупность признаков, достаточную для постановки вопроса о новом рукописном свидетеле.

Оптимальная научная формула на данном этапе такова: тетрадь Барановского содержит текст, который не является простой редакцией известной «Розы», но может представлять собой копийный, школьный или мемориальный след утраченного лицейского стихотворения Пушкина о розе. Поэтому дальнейшая работа должна состоять не в полемике вокруг готового ответа, а в публикации материала по правилам археографии и текстологии. Только после этого можно будет решить, имеем ли мы дело с пушкинским текстом, с пушкинской традицией или с выразительным документом лицейской памяти.

Список источников / References

1. Алексеев, М. П. (1972). Споры о стихотворении «Роза». В: Пушкин: Сравнительно-исторические исследования (с. 326—377). Л.: Наука.
   Alekseev, M. P. (1972). Spory o stikhotvorenii «Roza» [Debates on the poem “Rose”]. In: Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya [Pushkin: Comparative-historical studies] (pp. 326—377). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
2. Климович, Л. В. (2018). Общество бывших воспитанников Императорского Александровского лицея и его архив в эмиграции (1920–1930-е годы). Россия и современный мир, 2, 18—30. https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.02
   Klimovich, L. V. (2018). Obshchestvo byvshikh vospitannikov Imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya i ego arkhiv v emigratsii (1920–1930-e gody) [The Society of former students of the Imperial Alexander Lyceum and its archive in emigration]. Rossiya i sovremennyi mir, 2, 18—30. (In Russ.). https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.02
3. Мамонтова, Е. (2001). Опись фонда Ассоциации бывших воспитанников Императорского Александровского лицея, хранящегося в Королевском музее армии и военной истории Бельгии. Брюссель: Фонд сохранения русского наследия в Европе.
   Mamontova, E. (2001). Opis' fonda Assotsiatsii byvshikh vospitannikov Imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya, khranyashchegosya v Korolevskom muzee armii i voennoi istorii Bel'gii [Inventory of the Association of former students of the Imperial Alexander Lyceum, kept in the Royal Museum of the Army and Military History of Belgium]. Brussels: Fond sokhraneniya russkogo naslediya v Evrope. (In Russ.).
4. Мейер, Ю. К. (1995). Записки последнего кирасира. В: Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. (Вып. 6, с. 547—601). М.: Студия ТРИТЭ.
   Meyer, Yu. K. (1995). Zapiski poslednego kirasira [Notes of the last cuirassier]. In: Rossiiskii arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. (Issue 6, pp. 547—601). Moscow: Studiya TRITE. (In Russ.).

5. Пушкин, В. Л. (1803). Голубка и Бабочка. Вестник Европы, 11(18), 118—119.
Pushkin, V. L. (1803). Golubka i Babochka [The dove and the butterfly]. Vestnik Evropy, 11(18), 118—119. (In Russ.).
6. Пушкин, А. С. (1999). Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817. СПб.: Наука.
Pushkin, A. S. (1999). Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t. T. 1: Litseiskie stikhotvoreniya. 1813–1817 [Complete works in 20 vols. Vol. 1: Lyceum poems]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
7. Пущин, И. И. (2001). Записки о Пушкине. М.: Захаров.
Pushchin, I. I. (2001). Zapiski o Pushkine [Notes on Pushkin]. Moscow: Zakharov. (In Russ.).
8. Томашевский, Б. В. (1958). Строфика Пушкина. В: Пушкин: Исследования и материалы (Т. 2, с. 49—184). М.; Л.: Изд-во АН СССР.
Tomashevsky, B. V. (1958). Strofika Pushkina [Pushkin's stanza forms]. In: Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Studies and materials] (Vol. 2, pp. 49—184). Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russ.).
9. Gargiulo, L. (1990). Dalla selva alla rosa [From the dark wood to the rose]. Milano: Signorelli. (In Italian).
10. Eco, U. (1980). Il nome della rosa [The Name of the Rose]. Milano: Bompiani. (In Italian).

Информация об авторе

Стефано Мария Капилупи, профессор семиотики текста, Университет Саленто, Лечче, Италия, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0063-8197, e-mail: stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Information about the author

Stefano Maria Capilupi, Professor of Text Semiotics, University of Salento, Lecce, Italy, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0063-8197, e-mail: stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 17.06.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.17
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30